

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(2): 882-892
 DOI: 10.13187/bg.2023.2.882

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

From the History of Social Transformation among Muslims of Northern Kazakhstan. Turn of the XIX–XX centuries

Gyulnar K. Mukanova ^a, Ainagul Kaipbayeva ^a, Zyl'yikha Sh. Bimakanova ^b, Assel N. Bekmurzina ^{b,*}

^a Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology VSC MHES RK, Republic of Kazakhstan

^b North Kazakhstan University named after M.Kozybayev, Republic of Kazakhstan

Abstract

The purpose of the research of this topic was to determine a specific synthesis of Russian-European and Eastern Muslim traditions, at a crucial stage of self-identification. In the course of the study of archival written, memoir sources and pre-revolutionary periodicals, historical facts of the diverse manifestation of the socio-cultural transformation of the turn of the XIXth and XXth centuries were revealed, using the example of the Kazakh ummah of the northern regions of the republic. On the basis of archival and memoir sources, for the first time in a generalized form, an attempt is made to structure innovations in the social behavior of Muslims (Kazakhs, Tatars, etc.) under the influence of external circumstances, in particular, introduction to bank lending. The article presents the facts of the Kazakhs using the Hajj to Mecca for educational tours in Europe and the Middle East. The artifacts (monuments of architecture, architecture) of the city of Petropavlovsk, the initiative of the construction of which belonged to local wealthy Muslims, have been studied. The facts of patronage in terms of organizing libraries and paying for the education of children and adolescents in aul schools and colleges, seminaries outside the region are summarized. A comparative analysis of the curricula of Muslim schools of the “old” and “new” method is carried out. When working with the sources, the historical and geographical factor, the peculiarities of ethnic identification and regional urbanism were taken into account.

Keywords: Asia, Kazakhstan, Russia, Muslims, culture, society, transformation, bankers, history.

1. Введение

Маргинальные локации, в данном случае располагавшиеся между степной зоной кочевания казахских родов Среднего жуза, с одной стороны, и с другой – лесными массивами Западной Сибири с вкраплениями городов-крепостей (Оренбург, Тобольск, Ишим, Курган, Петропавловск, Омск и др.) с преимущественно славянским населением в конце XIX – начале XX столетий представляли собой любопытный синтез европейской и азиатской культур. Если животноводческий «стержень» хозяйственно-культурного типа казахов обеспечивал относительную стабильность в плане выживания в суровых условиях резко-континентального климата (с перепадами в минус сорок градусов мороза до плюс сорока в летний период), то наличие стационарных поселений вдоль полотна Транссиба в изучаемый период для зажиточной прослойки инородческого населения обеспечивало надежную сохранность их сбережений в филиалах банков (Государственный, Русско-Азиатский и др.). Для детей богатых казахов и татар таким образом обеспечивался доступ к светскому образованию, досуговому развлечению (фотография, цирк, театр и проч.) и, безусловно, расширению (масштабирование) бизнес-операций. Данный аспект исторической эволюции пограничной локации

* Corresponding author

E-mail addresses: assel-2009@list.ru (A.N. Bekmurzina), Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova), aina__78@mail.ru (A. Kaipbayeva), bimakanova1956@mail.ru (Z.Sh. Bimakanova)

подлежит аутентичной репрезентации в разрезе социальной атмосферы пограничных городов, в частности прилегающих областей севера Казахстана.

Северные регионы казахских кочевий, граничившие с городами Западной Сибири, в исследуемый период могли иметь выход на филиалы центральных имперских банков. Исследование социального поведения зажиточных казахов Среднего жуза, в рамках регионального финансового хаба, в конце XIX – начале XX веков дает возможность реанимировать любопытный социальный феномен, представляющий актуальный пласт недавнего прошлого. Экономическая история интересна для исследователей и в плане изучения меценатства как высшей формы проявления гуманизма. Казахские и татарские юноши и девушки в указанный период нередко учились благодаря поддержке богатых членов сообщества.

2. Материалы и методы

Материалами для исследования являются ранее не введенные в научный оборот архивные источники (ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), ГА СКО – Государственный архив Северо-Казахстанской области (Петропавловск, Казахстан) (Ф. 2. Оп. 1. Д. 493. Годовой отчет Казпедтехникума за 1927–1928 учебный год и сведения о преподавательском составе; Ф. 2. Оп. 1. Д. 375. Л. 55, 570б., 226; Ф. 195. Оп. 4. Д. 102. Протокол заседания исполкома Петропавловского окружного комитета от 22 сентября 1928 г. «Об утверждении списка конфискуемых»), ГА ЮКО – Государственный архив Южно-Казахстанской области (Шымкент, Казахстан), ОГАСПИ – Оренбургский государственный архив социально-политической истории (Оренбург, Россия) (Ф. 208. Оп. 1. Д. 169. Л. 61. Протокол заседания Президиума Киргизского обкома от 13 октября 1923 года), ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан (Алматы, Казахстан) (Ф. 135. Оп. 1. Связка 24. Дело по конфискации и выселению бая 4-го аула Тонкерейского района Петропавловского округа Рамазанова Аблая; Ф. 1997. Оп. 1. Д. 61 А. Протоколы заседаний Ученого совета института. Сентябрь – декабрь 1938 г. Л. 12) и др. Документы содержат статистические аспекты культурных реформ, сведения об образовательном цензе казахской молодежи. Системный анализ позволил интерпретировать сведения об аульных мектебах из периодических изданий (газеты «Вакт» и «Туркестан»), отчетов о съездах учителей (Отчет..., 1911), краеведческих изданий (Муканов, 2017) и мемуарных публикаций очевидцев трансформационных процессов в обозначенном регионе (Муканов, 2011). При анализе текстов раритетных изданий (Вакт, 1901) на арабской гарнитуре (алфавит «тоте жазу», использовавшийся до середины 1920 годов) применялись традиционные для исторической науки методы: сравнительно-исторический, семантический, аналогий. Методами ретроспекции и компаративного анализа фотографий начала XX века установлены факты посещения казахами во время хаджа светских заведений Турции, фотоателье. Сравнительный анализ позволил уточнить персоналии меценатов, открывавших аульные мектебы и имевших счета в банках до революции, и идентифицировать их уже как советских граждан в списках «раскулаченных» и высланных из мест проживания в другие регионы. В ходе исследования выдерживался принцип историзма, учитывались топонимика и официальные названия учреждений (казпедтехникум, округ, Киробком и др.).

3. Обсуждение

Из казахстанских исследователей профессор Г.С. Султангалиева опубликовала результаты изучения архивных материалов, отражающих процесс складывания элиты из числа местных зажиточных казахов, склонной к коллаборации с российской администрацией (Султангалиева, 2012: 40). Письменные источники о социальном происхождении казахов-студентов, получавших образование в Казани, опубликовал в 1998 году на основе архивов Татарстана другой исследователь, этнический казах Б.А. Кенжетаев (Кенжетаев, 1998: 80, 82–83). В анкетных данных студентов-казахов имеются подтверждающие нашу версию сведения о том, что подавляющее большинство их были сыновьями султанов (чингизиды), биев и мулл. Например, среди студентов-выпускников Казанского университета казахами султанского происхождения были Г. Арунгазин, окончивший медицинский факультет (1900–1907); ранее выпускником факультета был Идигин (1891–1895); М. Каратаев окончил юридический факультет (1893–1896); тот же факультет окончил Ж. Сейдалин (1878–1882) (Кенжетаев, 1998: 80). Казанский ветеринарный институт в 1908 году окончил А. Боштаев, сын муллы, внук старшего султана в чине капитана (Кенжетаев, 1998: 83). Казанскую учительскую семинарию окончил в 1902 году Сафа Ажгиреев, султан. В 1905 году ту же семинарию окончил М. Тунганчин, султан (Кенжетаев, 1998: 83). Однако султанское звание не было обязательным условием приема на учебу, например, Г. Ибрагимов, также выпускник юридического факультета Казанского университета, числится как «сын бия» (Кенжетаев, 1998: 80).

Virginia Martin, профессор истории в University of Alabama, является автором интересного издания, в котором поднимается проблема реконструкции социальной, культурной и правовой истории Казахской степи, именно казахов Среднего жуза в XIX веке. На основе источников из архивов Казахстана и России В. Мартин исследует межкультурный микс имперских и местных законов,

обычаев и судебной практики в процессе строительства Российского государства и, соответственно, уделяет внимание правоведам из числа инородцев (Martin, 2012: 99).

Среди городского населения Акмолинской области татары составляли 21,6 %. Так, в начале XX века в Петропавловске проживало около 10 тысяч татар и казахов (Галиев, 2011: 29). Банковская сеть в городах на территории Акмолинской области и смежных областей Сибири и взаимодействие с ней казахов баев – тема практически не изученная. Источники о сложных взаимоотношениях эксперских банков с советской администрацией легли в основу монографии выпускника Harvard University, ныне живущего в Лондоне финансового аналитика и историка Hassan Malik (Malik, 2020). В своей книге «Банкиры и большевики» Хасан Малик изложил историю краха, описывая опыт ведущих финансистов того времени, которые работали на одном из самых прибыльных, но сложных рынков.

Лавки, магазины в городах, жилые дома строились на проценты от вкладов, и налицо тенденция совместно укреплять основы региональной власти. Не случайно американский ученый-историк Сьюзан Смит-Питер из University of New York, исследовавшая российскую действительность XIX столетия через призму жизнедеятельности провинций, пришла к выводу, что провинции представляли собой «места, где могли бы возникнуть местные формы гражданского общества, включая население, которое не только откликнулось на автократическое правительство, но и активно работало с ним над созданием российской мощи и цивилизации» (Smith-Peter, 2017: 65).

Зарубежные авторы коллективной монографии J.F. Hacking, J.S. Hardy, M.P. Romaniello делают акцент на последствиях российского присутствия в Азии, изучив социальные связи и сообщества, они приходят к выводу о культурных различиях народов (Hackingetal, 2020). Ключевым отличием данного издания является междисциплинарный подход к теме, умение синтезировать различные аналитические подходы, с целью осмыслить множественные узы, связывающие народы России, в частности Сибири и Центральной Азии. Казахстанский профессор Г. Султангалиева утверждает, что сближение имело целенаправленный характер с обеих сторон, при наличии даже определенных бонусов для инородцев (продвижение по службе, внеочередное присвоение рангов и званий, ходатайство о награждении и знаках отличия, патронаж отпрысков в местах учебы и проч.). Безусловно, была заинтересована в продвижении и обучении детей, в том числе и девочек, часть казахского сообщества, не принадлежавшая к чингизидам. Одним из первых в 2007 году на тему обучения казахских девушек до революции в дальнем зарубежье писал краевед К.М. Муқанов. В частности, в монографии им обобщены сведения об Умсын Жусиповой (Муқанов, 2007). На рубеже XIX–XX веков уроженка аула из северного Казахстана Умсын училась сначала в Троицком джадидском медресе «Уазипа», затем – в Александрии, университете аль-Азхар, который окончила в 1902 году и вернулась домой, имея квалификацию обучать детей основам географии, счета, письма и чтения. О том, что в Троицке учились уроженцы Акмолинской области братья Галимжановы, Галиулла и Файзулла, сообщается в статье Р. Кузиковой (Кузикова, 2016: 40).

Можно согласиться с мнением Исмаилова и Базарбаева, что «джадидисты критиковали религиозный фанатизм, требовали замены устаревших религиозных школ национальными светскими, ратовали за развитие науки и культуры, выступали за издание газет на родном языке, за открытие культурно-просветительских учреждений» (Исмаилов, Базарбаев, 2013: 45). Тема влияния джадидского мировоззрения на социализацию кыргызской аудитории прослеживается в публикациях историков из Кыргызстана (Кубатова, Байдилдеев, 2022: 94). Указанный аспект только дополняет другие социальные последствия трансформации, а именно в сфере коллаборации в экономике, финансах, строительстве объектов культурной сферы и образования. Вышеназванные стороны процесса социально-культурной трансформации в северных регионах Казахстана на примере мусульманской уммы все еще не изучены и не обобщены на системной основе, с новых методологических позиций. Данная статья является попыткой критического анализа имеющихся сведений через призму переосмысления роли социокультурно-этногеографических компонентов в процессе идентификации, на этапе политического разлома, вызванного крахом государствообразующих институтов имперского правления.

4. Результаты

Изучение сведений о казахах-выпускниках учебных заведений на территории Российской империи и других государств в дореволюционный период стало возможным при ознакомлении с анкетами учительского состава казахских педтехникумов и вузов. В анкетах учителя указывали место окончания учебы, и эти данные представляют интерес. К примеру, Мустафин Сейтбаттал работал в Петропавловском казахском педтехникуме в 1920-е годы, будучи выпускником 1913 года учительской семинарии в г. Константинополе (ныне г. Стамбул, Турция) (ГАСКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 493; ГАСКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 375. Л. 55, 57об., 226). Рассекречивание материалов «дел» репрессированной казахской интеллигенции дает основание надеяться, что список выпускников зарубежных almatater пополнится в ближайшее время.

Нарративные источники позволили нам узнать, что в дореволюционный период на территории Северного Казахстана были открыты в частном порядке и функционировали аульные школы, инициированные выпускниками училищ и медресе гг. Троицка, Уфы, Казани и др. К примеру,

известный в крае меценат и предприниматель Абылай Рамазанов (1871–1931) обучал в такой частной школе (аул № 4 Пресновского уезда Акмолинской области, ныне Тимирязевский район СКО) детей своих сородичей, выписывая доску и грифели из близлежащих городов. Сведения о факте открытия школы были им представлены в редакцию татарской газеты «Вакт», выходившей в Оренбурге. В заметке А. Рамазанов отмечает преимущества метода «усулижадиде», а также пишет о том, что он нанял учителем в школу выпускника медресе «Усмания» из Уфы некоего Галымжана, и через полгода аульные мальчишки научились читать тюрки и книги по-арабски (Вакт. 1909. 9 окт.). Сам Рамазанов окончил учительскую семинарию в Троицке. К сожалению, и мецената Рамазанова Абылая не обошла стороной «кампания» по раскулачиванию (ЦГА РК. Ф. 135. Оп. 1. Связка 24). Высылка в Актюбинск подорвала его здоровье (ГА СКО. Ф. 195. Оп. 4. Д. 102). После временного освобождения семья попыталась вернуться в родные края, но последовал новый арест по ложному навету, в итоге он умер в тюрьме Петропавловска (ГА СКО. Ф. 5. Оп. 1. Связка 12. Д. 156).

Выяснилось, что из стен аульной школы А. Рамазанова вышли впоследствии ставшие известными государственными и общественными деятелями Есим Байгаскин, директор зооветеринарного института в Алма-Ате, репрессирован (ЦГА РК. Ф. 1997. Оп. 1. Д. 61 А. Л. 1-2); Хамза Ибраев, также жертва сталинских репрессий (Муқанов, 2018: 46). Таких имен и фамилий выясняется немалое количество, многие из тех лиц погибли в ГУЛАГе, потому систематизация данных до сих пор была под вопросом.

Казахское население Петропавловска в начале XX века обучало своих детей наравне с татарскими детьми, проявляя толерантность в социальных вопросах. В западных областях Казахстана в рамках указанного исторического этапа джадидское образование казахские подростки могли получать в г. Уральске в трех медресе: «Мутыйгия», «Гайния» и «Ракыйбия». Первую из них основал татарин Мутыгуллахазрет Тухватуллин, сын которого окончил университет «аль-Азхар» в Александрии и передавал ученикам знания об учениях аль-Фараби, Ибн Сины и др. (Абузяров, Туаева, 2002: 33). Процессы, свидетельствующие о социально-культурной трансформации в мусульманской среде западных областей края на рубеже XIX–XX веков, фиксируются в визуальных фотодокументах, изустных мемуарах. Фото-экспозиции регулярно выставляются на сайтах и стендах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея.

Для сравнения приведем цифры роста количества учащихся в южных областях Казахской степи: до революции в Сырдарьинской области их насчитывалось 3 441, тогда как во втором десятилетии XX века их число выросло до 12 392 чел. (ГА ЮКО. Ф. 242. Оп. 1. Д. 61. Л. 100).

О школах в Сырдарьинской области в первом десятилетии XX века писали С.К. Граменицкий, Н. Бобровников, В.Н. Наливкин (Отчет..., 1911: 5)

Любопытно, что казахское население восточных степных областей граничило с регионами довольно ортодоксального ислама, тем не менее факты функционирования школ джадидского типа в г. Кульдже в северо-западной провинции Китая (Синьцзян) в начале XX века отмечал известный российский востоковед А.Е. Крымский (Крымский, 1916: 4). Тенденции расширения зоны охвата светским джадидским образованием в мусульманской среде (куда входили и казахи), таким образом, имели место к началу Первой мировой войны, что свидетельствовало косвенно о распространении печатных и учебных изданий и общей популярности высшего и среднего профессионального образования среди кочевого казахского населения.

Безусловно, передовая казахская интеллигенция на рубеже веков стремилась передать лучшее своим ученикам на базе аульных школ-мектебов на джадидской основе обучения, что представляло сложность ввиду отсутствия стационарных помещений, климатических особенностей северных регионов и дефицита кадров учителей. Тем не менее существовала потребность учить детей и сообщество проявляло гражданскую сознательность. Приезжие учителя поддерживались, за работу им обеспечивали пропитание, жилье и безграничное уважение, но и строго контролировали результаты обучения. Обучение девочек-казашек в северных регионах Казахской степи в исследуемый период могли позволить в основном зажиточные семьи, имевшие мотивацию к воспитанию и обучению детей. При отсутствии в городах национальных медресе для девочек их могли отдавать в татарские медресе ввиду схожести традиций и языка. Петропавловское (Кызылжарское) татарское медресе окончили Зылейха Курманбайкызы, будущая супруга поэта, публициста Магжана Жумабаева, и ее подруга-тезка, будущая супруга публициста Бекмухамеда Серкебаева, а также Амина Султанкызы, будущая супруга Гали Кемелева. Большим помощником в литературной обработке этнографического наследия казахского народа была выпускница медресе «Якобийе» и «Хусайние» Фатима Зейнуллакызы Габитова, которая трудилась наравне с супругом, поэтом Ильясом Джансугуровым, выпускником медресе «Мамания», основанного в 1909 г. (ЦГА РК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 7336. Л. 49). Известная казахская поэтесса Мариям Хакимжанова также выпускница дореволюционной школы в Тургае, член партии, сама стала объектом репрессий после ареста мужа. Об этих замечательных женщинах имеет смысл создать отдельное исследование, так как они были грамотными, начитанными, могли выполнять обязанности литературных сотрудников, работали в редакциях газет. Семьи многих советских служащих тогда были созданы на паритетной основе, когда расторгался ранний брак и заключался новый с представительницей слабого пола,

эмансипированной, как правило, окончившей медресе-школу и разделявшей прогрессивные взгляды супруга. Семейно-гендерные ценности и предпочтения первых лет советской власти в регионах – также малоисследованный аспект социализации, несколько завуалированный, касавшийся личных драм и семейных историй, и архивов. Тенденция обновления родовой истории характерна была после 1917 года практически повсюду по России, особенно в центральных городах, губернских и областных центрах. Остается добавить, что большинство жен казахских интеллигентов оказались в 1930-е годы в категории ЧСИР («члены семей изменников Родины») и прошли лагерные испытания.

Проанализировав разножанровые источники по этому вопросу, мы составили обобщающую сравнительную таблицу (Таблица 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ специфики организации учебного процесса в старометодных и новометодных (джадидских) школах

Критерии	Ортодоксальные / конфессиональные учебные заведения	«Новометодные» джадидистские школы
Длительность обучения	Дискретное обучение, в среднем 4–5 месяцев в год. Обучение в школе примерно в течение 3–5 лет, обучение в медресе в рамках 7–13 лет.	Перманентное обучение. Образовательный процесс запланирован на 2 года.
Возрастной ценз	Возрастных ограничений не было. Учащиеся учились в возрасте 7–17 лет.	Прием в школы с 7 лет. Дифференциация на классы, соответствующие возрасту.
Материально-техническая база	Материальная база медресе оставляла желать лучшего. Не было типовых парт, стульев, классных досок, письменных принадлежностей.	«Новометодные» школы были хорошо оснащены в материально-техническом плане. Было все необходимое для организации учебного процесса, вплоть до наглядных пособий по специальным дисциплинам.
Особенности учебного процесса	Применялся метод обучения чтению «по слогам». Этот метод создавал трудности при изучении арабского языка, с которым казахские школьники не были знакомы.	Применялся метод звукового обучения. Учащиеся осваивали написание новых букв и затем только переходили к скорочтению.
Преподаваемые дисциплины	Наряду с основами ислама, такими как Коран, законы шариата, мусульманское право, в отдельных школах-медресе преподавались такие предметы, как арифметика, относящиеся к основам светского образования. В конфессиональных учебных заведениях родной язык не преподавался.	Наряду с арабским изучались восточные языки, а также предметы, относящиеся к основам светского образования: география, философия, химия, физика и др. В джадидских школах преподавали родной язык.

Среди малоизученных аспектов темы социальной трансформации необходимо выделить такие, как обслуживание в банках городов Сибири казахов, владельцев больших табунов лошадей и верблюдов, завсегдаев торгов и сезонных ярмарок. В самом Петропавловске функционировали следующие банки: с 1867 года – Общественный банк, с 1880 – Государственный банк, с 1904 – Русский торгово-промышленный банк и с 1905 – Сибирский торговый банк (*Северо-Казахстанская..., 2004: 170*). Краевед К. Муканов описал биографию казаха-предпринимателя Альти-кажы, которого хорошо знали в степи и узнавали в филиалах банков в Кургане (*Муканов, 2011: 10*). В книге К. Муканова отмечается, что фрагментарно сведения о поездках Альти в банки, где он предпочитал хранить вырученные от продаж скота, соли и других товаров деньги, а также конвертировать их в золотые слитки, отложились в устных воспоминаниях его доверенных лиц. Объектом вложения капиталов Альти-кажы был Курганский филиал Госбанка России, который обслуживал участников Союза сибирских маслоделов и ряд датских и английских компаний («Сибирь», «Карл Гольбек», «Эсман Е.Ф.», «Лонсдейль и К^о»), занимавшихся вывозом масла. Любопытно, что сам Альти предпочитал жить в ауле, имея помощников в Петропавловске и Кургане. Для осуществления банковских операций важно было владеть русским языком, основами счета, для чего баи нанимали обученных помощников (как правило, выпускников русско-киргизских училищ). Таковые обучались в стенах школы-интерната для казахских мальчиков, где готовили мелких чиновников для волостных

и аульных управлений и толмачей (переводчиков) (*Северо-Казахстанская...*, 2004: 98). Источниковая база сибирских филиалов банков почти не сохранилась, к сожалению; причиной тому были политические катаклизмы: переворот 1917 и события 1918 гг., Гражданская война в Сибири; большинство архивов были вывезены либо уничтожены (*Северо-Казахстанская...*, 2004: 169-170).

В банковской сфере, что интересно, до революции (в 1913 году) трудился чингизид-казак Алихан Нурмухамедович Букейханов, основатель партии «Алаш», выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В г. Самаре функционировал Донской земельный банк, где Букейханов работал в должности главного агента, поскольку въезд в столицу ему был воспрещен после ссылки. Именно в ссылке он познакомился с А. Цюрупой, который и пригласил его в Самару и помог трудоустроиться, то есть банковские операции с земельными участками не противоречили его мировоззрению и только прирастили его познания российской действительности в аграрном секторе.

Гипотетически для мусульманина идея нажиться на процентах является запретной – «харам». Ислам осуждает азартные ставки, игры, сопровождающиеся эмоциональными всплесками, когда человек практически теряет свою личность в погоне за выигрышем «любой ценой». Как могли относиться ортодоксальные муллы на имперском пространстве к банковским предложениям столетием ранее? Финансовый сектор приграничных городов Зауралья и Западной Сибири действительно предлагал номенклатуру разнообразных услуг (займы, ссуды, кредитование, открытие депозитов) для предприимчивых лиц. Рекламные анонсы печатались в местных газетах. Тот факт, что баи – зажиточные казахи – могли свой излишек бумажных денег, вырученных, как правило, от продажи скота и продукции животноводства (кишки, сало, шкуры, мясо, масло, кошмы, арканы – прочные плетеные веревки из конского волоса и прочее), класть в банки, могло вызывать осуждение в сообществе. Впрочем, баи легко могли выйти из щекотливой ситуации, заставив молчать своих помощников о сделках, а также войти в доверие к авторитетным лицам из числа мусульманского населения региона и слыть правоверными внешне. Такие баи нередко совершали хадж в Мекку, пользуясь случаем и найдя возможность потратить свои доходы, заодно получив статус «кажы» и формально приобщиться к лицам, обладающим статусом быть вне критики.

Приграничные зоны испытывали на себе сопутствующие факторы многочисленных торгово-обменных операций, в ходе которых выработывался стереотип успешного/незадачливого участника рынка. По данным энциклопедии, «за 1900–1914 гг. число ярмарок в Акмолинской области возрастает с 60 до 200, в то же время годовой объем стационарной торговли увеличился с 4,4 до 11,2 миллиона рублей» (*Северо-Казахстанская...*, 2004: 50). Образ купца-ростовщика, рискованного сопровождать караваны с товаром по не всегда безопасным маршрутам, условно именуемым трассами Великого шелкового пути, описан в статьях казахстанских исследователей (*Kudabay et al., 2019*). В частности, они выделяют коммуникативную миссию лиц, бравших на себя ответственность устанавливая и развивая на практике связи между регионами, и данная характеристика априори распространяется на клиентов пограничных банков в лице казахской степной аристократии, добывавшей капитал своими умениями и хваткой.

Смекалка в освоении не изведанных ранее маршрутов была, к примеру, проявлена упоминавшимся выше меценатом А. Рамазановым. Будучи человеком любознательным, после окончания троичского училища он путешествовал в Стамбул, Москву, Мекку (совершив хадж, причем неоднократно). Им был освоен как сухопутный, так и морской путь, находчивость позволила ему и его спутникам-аульчанам (большинство из которых были малограмотными) практически совершить кругосветное путешествие на свои и их средства. Рамазанов действительно имел статус «кажы» (ходжа), т.е. совершившего паломничество к святым для мусульманина местам. Его познания в географии пригодились ему для фактической организации «туров» по Ближнему Востоку по просьбе богатых соплеменников, то есть досуговые развлечения (прогулки на лайнерах, фотографирование в ателье Стамбула) совмещались с исполнением одного из заветов Пророка, и в этом – душа степняка, отвергавшая любые ханжеские запреты...

Казахские студенты, к примеру, в городах учебы (Оренбург, Омск, Казань, Москва, Санкт-Петербург) свободно посещали театральные постановки; более того, они стали подражать и самостоятельно писать пьесы на родном языке (Кошмухаммед Кеменгеров, Смагул Садвокасов и др.) и ставить первые пьесы на импровизированных сценах в городском парке Петропавловска (*Муқанов, 2011: 59*). Посещение театров, цирка, где нередко проходили состязания борцов-палуанов, не только не входило в противоречие с мусульманским вероисповеданием у казахов, но и вызывало только положительные эмоции. Такого рода развлечения требовали расходов, и позволить их себе могли не все категории учащихся. Например, впоследствии известный правозащитник Мустафа Шокай смог продолжить обучение лишь после того, как смог исхлопотать стипендию Сырдарьинского генерал-губернаторства. Жизнь в городских условиях обусловила тягу к знаниям. По данным казахстанского профессора В. Галиева, в начале XX века функционировали мусульманская библиотека-читальня в Акмолинске, тюркская библиотека в городах Верном, Уральске, Семипалатинске, Кустанае и Троицке (*Галиев, 2011: 203*). Садвокасов, Нурмаков, Ауэзов, Дулатов пользовались фондами таких книгохранилищ. Полученные ими знания позволили им создавать национальные периодические

издания; так, в 1923 году в Оренбурге Алдунгаров, Уразбаева, Смагул Садвокасов, Тохтабаев и Казангапов были выдвинуты в состав редколлегии газеты «Молодой киргиз» («Жас казах») (ОГАСПИ. Ф. 208. Оп. 1. Д. 169. Л. 61).

Казахам Среднего жуза в исследуемый период были известны лечебные свойства природных лакун и не были чужды выезды на самостоятельные курорты: так, в окрестностях озера Минкесер (ныне в Мамлютском районе СКО) располагались приезжие из числа местных и иногородних жителей, жаждущих исцелить свои заболевания. Грязь озера Минкесер славилась чудодейственными свойствами, здесь жители лечили суставы, нервно-психические расстройства и различные кожные высыпания, и с началом теплого сезона сюда даже из соседних областей Сибири направлялись группы людей на бричках, арбах, расставляли самодельные палатки. Собственно, грязевые отложения озер Минкесер, Боровое, Медвежье и других близлежащих водоемов привлекали множество туристов и в советское время, когда бальнеологические их свойства были официально подтверждены после проведения специальных лабораторных анализов.

Наконец, позитивными последствиями коллаборации и социально-культурной трансформации мусульманского населения Среднего жуза можно считать, как новшество, их обустройство в урбанистической среде. Зажиточные казах, татарин постепенно перебирались в город, где не только приобретали землю, строили жилые дома, мечети, но и соответственно их украшали. Мусульманская тюрко-татарская умма, так именовали себя казахи и татары Петропавловска, идентифицировала себя как значимое звено в политической системе Российского государства. Тому свидетельством – факт, что в апреле 1919 года, в разгар событий Гражданской войны в Сибири, из Петропавловска они отбили телеграмму в Новониколаевск (ныне Новосибирск) к министрам правительства Колчака, Пепеляеву и Вологодскому, с просьбой «признать культурно-национальную автономию мусульман внутренней России и Сибири» (ГА РФ. Ф. Р-1701. Оп. 1. Д. 57. Л. 23-26). Подписали телеграмму известные в крае аксакалы, «попечители мечетей: первой – Тюменев, второй – Зайтов, третьей – Бегишев, четвертой – Абдрашитов, пятой – Маматов и шестой – Бирюшев». Отражение эпохи разлома, смятения в умах читается между строк в этом документе, и одновременно – огромное желание мирно урегулировать важные вопросы социально-культурного обустройства. В источнике косвенно распознается интересная деталь: численность городских мечетей Петропавловска – их шесть

Безусловно, начало движения по Транссибирской магистрали (станция Курган введена в действие в 1893 году) стало толчком к развитию торговых операций Западной Сибири с дальневосточными областями. Поскольку станция Петропавловск (открыта в 1895 году) находилась на линии магистрали, то в город поступали сведения о валютном курсе и рыночных трендах как Европы, так и Китая (Харбин); номенклатура товаров, которые можно выписать почтой, к началу XX века значительно расширилась. Биржевые новости заслуживали внимания мусульманского купечества, наиболее смелые отправляли тюки восточных товаров (специи, ткани) в родной город из далекого Приморья.

Помещения в домах петропавловских мусульман отвечали запросам типичной мусульманской семьи, с женской половиной, но не настолько недоступной, как, к примеру, в Средней Азии. Проживание мусульман в пограничных с Уралом и Сибирью городах, безусловно, вносило элементы орнамента, узоров в украшение фасадов и наличников ставен. Зодчество таких городов-станций, как Петропавловск, обогатилось благодаря фантазиям купеческих домов, когда мастерские выписывались из столицы, а макеты строений буквально копировались из престижных образцов Центральной России, Петербурга. То есть частные домовладения становились визуальной сценой для подражания, отражая зажиточность хозяев, сюда стремились попасть на званые обеды и вечера, оставить визитки и завести полезные знакомства. Характерный пример – «Дом невесты Янгуразова» в Петропавловске, отстроенный в центре города и обросший легендами относительно цели постройки и той капризной избранницы молодого купца, которая непременным условием брака определила дом в стиле столичного лоска (Северо-Казахстанская..., 2004: 436). Имел место прецедент или нет, история умалчивает, ведь с началом лихолетья 1917 года замысел так и не был доведен до логического конца: то ли купец скончался, то ли невеста. И таких шедевров архитектуры в исследуемой локации наберется немало; довольно крепкие строения постепенно ветшают, используются они не по назначению, многие деревянные дома вовсе уничтожены в ходе интенсивной многоэтажной застройки.

Реконструкция адресов проживания мусульман Петропавловска становится ныне возможна при условии внимательного системного изучения редких карт раннего советского периода, схем городской инфраструктуры, а также анкетных данных арестованных / репрессированных деятелей, где указывались улица, дом проживания. Как правило, аресты производились, когда подозреваемый находился дома, и это фиксируется в ордерах. Также можно обнаружить сведения об экспроприированных зданиях экс-владельцев из числа зажиточных мусульман в местных архивах и энциклопедических справочниках, публикациях краеведов, ведь большинство советских учреждений вначале были размещены именно в экспроприированных зданиях. Школы могли располагаться в домах, ранее принадлежавших зажиточным семьям городских мусульман. В упомянутом выше «Доме невесты» в годы Гражданской войны располагался Совдеп Петропавловска, а также штаб ЧОН – частей особого назначения (милиции), в мирное время – облфинотдел, Госстрах, в настоящее время в

нем расположены служебные помещения городской мечети. Историческая преемственность в данном случае имеет место более чем столетие спустя.

5. Заключение

Маргинальные области на границе Западной Сибири с казахскими кочевьями в исследуемый период – к началу XX века – оказывались благоприятной средой для предприимчивых лиц. Казахские дельцы, имевшие интересы в торгово-обменных операциях, этим не преминули воспользоваться. Наиболее смелые и доверявшие имперским институтам проявляли расторопность и шли на сотрудничество с банками (уместно было бы обозначить в этом плане феномен «аульного капиталиста-миллионера» Альти-кажы). Процесс был взаимовыгодным, иначе отношения не сложились бы: оборот денежных средств казахских баев-вкладчиков позволял филиалам банков в Сибири держаться на плаву, и легенды о несметных богатствах сородичей добавляли весомости казахским предпринимателям. Проценты от вкладов были гарантом от возможного разорения хозяйств степняков во время стихийных природных бедствий (джуты-бескормица, падеж скота и т.п.). На средства от прибыли строились в Петропавловске, к примеру, торговые лавки, мечети и жилые дома, арендовались магазины, осуществлялась благотворительность. Иными словами, социальный фон упомянутых выше финансовых операций имел здоровую природу и тенденцию к улучшению условий жизни казахского населения. Возрастал вес категории предпринимателей, не имевших аристократической генеалогии, добившихся признания собственными усилиями.

Европеизация этнических казахов в маргинальной урбанистической среде на рубеже XIX–XX веков происходила довольно успешно; освоение русского языка и технических новшеств, географическое сближение с центрами просвещения (университеты и училища, духовные учебные заведения городов Казань, Уфа, Омск, Оренбург) способствовали узнаванию казахской молодежью современных трендов в литературе и искусстве, театральной среде и юриспруденции, здравоохранении. Фактическими спонсорами студентов-мусульман оказывались их родственники, реже – попечители-меценаты. Идея благотворительности в плане открытия аульных джадидских школ (что характерно, в 1909 году в разных регионах одновременно), поддержки стипендиатов-казахов, отчислений в пользу бедствующих постепенно внедрялась в сознание сообщества, и в этом смысле рост этнического гражданского сознания налицо. Данный аспект немаловажен как пример осознанной поддержки учащейся молодежи, будущих профессиональных кадров. Позднее этот принцип поддерживался в деятельности казахских молодежных организаций Омска, в которых активное участие принимал Смагул Садвокасов. Благотворительность в городах поддерживалась, как правило, среди читателей мусульманских библиотек, которые в свою очередь создавались на основе благотворительности: для приобретения помещения и книг изначально татары и казахи Петропавловска собрали первоначальный капитал. Был также нанят секретарь М. Дулатов, который ведал бухгалтерией, деловой перепиской, выдачей книг, журналов. Памятники зодчества и региональной архитектуры, основанные в начале прошлого века мусульманским населением городов (магазины, жилые дома, мечети, мельницы), как правило, ныне обнаруживаются под слоями времени либо как сменившие изначальное предназначение. Распознать домовладения и обозначить их как памятники истории и культуры – задача ближайшего будущего, требующая обращения к источникам.

Финансовый сектор приграничных городов Зауралья и Западной Сибири предлагал разные виды услуг (ссуды, кредитование, открытие депозитов) для предприимчивых казахов; излишек бумажных денег откладывался клиентами банков из числа мусульманского населения (что в целом-то противоречило шариату, осуждавшему ростовщичество – получение прибыли от процентов) либо конвертировался в золотые слитки. Феномен инородца Альти-кажы, рисквавшего одним из первых вести расчеты с банками, достоин быть отмеченным как пример неординарного мышления, своего рода компромисса между долгом правоверного и обстоятельствами, сулившими обеспеченное будущее потомкам. Впрочем, забегая вперед, заметим, что события 1917 года и Гражданской войны привели к банкротству вкладчиков: редко кто исхитрился вывезти капиталы и слитки и перепрятать. К тому же Альти-кажы и Абылай Рамазанов в 1918 году спонсировали добровольческие казахские отряды (войско Алаш), принявшие антибольшевистскую сторону под воздействием национальной партии Алаш. Указанные сведения восстановлены из мемуаров свидетелей, как выше указывалось, и вполне могут дополнить общую картину попыток военизированного возрождения России. Крах империи для предпринимателей был ощутим в материальном плане, они распознали опасность новой власти. Что касается взаимоотношений советской администрации с имперскими банками, то это особая страница региональной истории, достойная отдельного исследования.

Северные регионы казахских кочевий, граничившие с Сибирью, в исследуемый период имели больше доступа в филиалы банков, нежели те, что были расположены вдоль границы с владениями Цинской империи (Синьцзян). Южные области (Российский Туркестан) также дистанцировались от находившихся под влиянием туманного Альбиона владений шахов Персии, Афганистана, с которыми царское правительство не спешило форсировать внешнеэкономические проекты. В некотором роде зажиточные казахи Среднего жуза способствовали устойчивости Сибирского финансового хаба в реалиях XIX – начала XX веков, выразив доверие региональным банкам. К тому же поставки мяса и

масла из северных регионов Казахстана внесли свою лепту, по-видимому, в борьбу с голодом 1911–1912 гг. в центральных российских губерниях. Идентификация казахских предпринимателей мусульманского вероисповедания к началу XX столетия характеризовалась строго как самоощущение принадлежности к российской короне и умеренно монархическими взглядами.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках реализации проекта ИРН АР09261139 «Государственная, общественная и научно-педагогическая деятельность Смагула Садуакасулы» (на основе новых архивных и письменных источников).

Литература

- Абузяров, Туаева, 2002 – Абузяров Р.А., Туаева З.И. Уральск в судьбе Габдоллы Тукая. Уральск: Редакционно-издательский отдел, 2002. 108 с.
- Галиев, 2011 – Галиев В.З. Книга, разбудившая народ. Алматы: Мектеп, 2011. 525 с.
- ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации.
- ГА СКО – Государственный архив Северо-Казахстанской области.
- ГА ЮКО – Государственный архив Южно-Казахстанской области.
- Кенжетаяев, 1988 – Кенжетаяев Б.А. Казанские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX – начале XX вв. Казань: ПиФ, 1988. 88 с.
- Крымский, 1916 – Крымский А.Е. Школа, образованности и литература у российских мусульман (культурно-этнографический очерк) // *Туркестан*. 1916. № 82. 21 ноября.
- Кубатова, Байдилдеев, 2022 – Кубатова А.Э., Байдилдеев Ж.Р. Периодические издания джадидов и их роль в общественно-культурной жизни Кыргызстана // *Электронный научный журнал «Edu.e-history.kz»*, 2022 (4). С. 95-111.
- Кузеева, 2016 – Кузеева Р.С. Файзулла Галимжанов: жизнь и деятельность // *Отан тарихы*. 2016. № 2. С. 37-48.
- Муканов, 2007 – Муканов К.М. Умсын-сулу. Анызбенакикат. Петропавловск: Полиграфия, 2007. 240 с.
- Муканов, 2018 – Муканов К.М. Абылай Рамазанов. Алашкайраткері. 2 изд. Петропавловск: Северный Казахстан, 2018. 185 с.
- Муканов, 2011 – Муканов С. Школа жизни. Астана: Аударма, 2011. 472 с.
- ОГАСПИ – Оренбургский государственный архив социально-политической истории.
- Отчет, 1911 – Отчет о заседаниях первого съезда учителей и учительниц Сырдарьинской области. Ташкент, 1911. 65 с.
- Северо-Казахстанская..., 2004 – Северо-Казахстанская область. Энциклопедия. Алматы: Арыс, 2004. 672 с.
- Султангалиева, 2012 – Султангалиева Г.С. Послужные списки как исторический источник по истории формирования казахского чиновничества XIX в. // *Вестник КазНУ. Серия историческая*. 2012. № 4(67). С. 37-43.
- ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Вакт, 1901 – Вакт. (Оренбург) 1901. 9 октября.
- Hacking et al., 2020 – Hacking J.F., Hardy J.S., Romaniello M.P. Russian Asia: Imaginations, Interactions, and Realities. Routledge, 2020. 256 p.
- Ismajlov, Bazarbaev, 2013 – Ismajlov A.I., Bazarbaev K.K. Jadidism – the history of the enlightenment movement and Freedom of Thought in Central Asia, late XIX – early XX century // *Bylye Gody*. 2013. 27(1): 44-51.
- Kudabay et al., 2019 – Kudabay A.A., Mukanova G.K., Yanchuk V.A. Silk Road Logistics: Experience of Ancient Merchants and Opportunities // *Analele Universitatii din Craiova. Serial Istorie*. 2021. Nr 26(2). Pp. 7-17.
- Malik, 2020 – Malik H. Bankers and Bolsheviks: International Finance and the Russian Revolution. Princeton University Press, 2020. 318 p.
- Martin, 2012 – Martin V. Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Routledge, 2012. 265 p.
- Smith-Peter, 2017 – Smith-Peter S. Imagining Russian Regions, Sub national Identity and Civil Society in Nineteenth-Century Russia. BRILL, 2017. 344 p.

References

- Abuzyarov, Tuaeava, 2002 – Abuzyarov, R.A., Tuaeava, Z.I. (2002). Ural'sk v sud'be Gabdolly Tukaya. [Uralsk in the fate of Gabdulla Tukai]. Ural'sk: Redaktsionno-izdatel'skii otdel, 108 p. [in Russian]
- CGA RK – Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Kazahstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
- Galiev, 2011 – Galiev, V.Z. (2011) Kniga, razbudivshaya narod. [The book that woke up the people]. Almaty: Mektep, 525 p. [in Russian]

- GARF** – Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].
- GA SKO** – Gosudarstvennyj arhiv Severo-Kazahstanskoj oblasti [State Archive of the North Kazakhstan region].
- GA YUKO** – Gosudarstvennyj arhiv Yuzhno-Kazahstanskoj oblasti [State Archive of South Kazakhstan region].
- Hacking et al., 2020** – *Hacking, J.F., Hardy, J.S., Romaniello, M.P.* (2020). Russian Asia: Imaginations, Interactions, and Realities. Routledge, 2020. 256 p.
- Ismajlov, Bazarbaev, 2013** – *Ismajlov, A.I., Bazarbaev, K.K.* (2013). Jadidism – the history of the enlightenment movement and Freedom of Thought in Central Asia, late XIX – early XX century. *Bylye Gody*. 27 (1): 44-51.
- Kenzhetaev, 1988** – *Kenzhetaev, B.A.* Kazanskije uchebnye zavedeniya i process formirovaniya kazahskoj intelligencii v seredine XIX – nachale XX v. [Kazan educational institutions and the process of formation of the Kazakh intelligentsia in the middle of the XIX – early XX centuries]. Kazan: PiF, 88 p. [in Russian]
- Krymskij, 1916** – *Krymskij, A.E.* (1916). Shkola, obrazovannosti i literatura u rossijskih musul'man (kul'turno-etnograficheskij ocherk) [School, Education and Literature among Russian Muslims (cultural and ethnographic essay)]. *Turkestan*. 82. November 21. [in Russian]
- Kubatova, Bajdildev, 2022** – *Kubatova, A.E., Bajdildev, Zh.R.* (2022). Periodicheskie izdaniya dzhadidov i ih rol' v obshchestvenno-kul'turnoj zhizni Kyrgyzstana [Periodicals of the Jadids and their role in the social and cultural life of Kyrgyzstan]. *Edu.e-history.kz*. (4): 95-111. [in Russian]
- Kudabay et al., 2019** – *Kudabay, A.A., Mukanova, G.K., Yanchuk, V.A.* (2019). Silk Road Logistics: Experience of Ancient Merchants and Opportunities. *Analele Universitatii din Craiova. Seria Istorie*. 26(2): 7-17.
- Kuzekova, 2016** – *Kuzekova, R.S.* (2016). Fayzulla Galimzhanov: zhizn' ideyatel'nost' [Fayzulla Galimzhanov: life and work]. *Otan tarihy*. (2): 37-48. [in Russian]
- Malik, 2020** – *Malik, H.* (2020). Bankers and Bolsheviks: International Finance and the Russian Revolution. Princeton University Press, 2020. 318 p.
- Martin, 2012** – *Martin, V.* (2012). Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Horde and Russian Colonialism in the Nineteenth Century. Routledge, 2012. 265 p.
- Mukanov, 2007** – *Mukanov, K.M.* (2007). Umsyn sulu. Anyz ben akikat. [Beautiful Umsyn. Legend and truth]. Petropavlovsk: Polygraphy, 240 p. [in Kazakh]
- Mukanov, 2018** – *Mukanov, K.M.* (2018). Abylaj Ramazanov. Alash kajratkeri [Abylai Ramazanov. Activist Alash]. Petropavlovsk: Northern Kazakhstan, 185 p. [in Kazakh]
- Mukanov, 2011** – *Mukanov, S.* (2011). Shkola zhizni [School of Life]. Astana: Audarma, 472 p. [in Russian]
- OGASPI** – Orenburgskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii [Orenburg State Archive of Socio-Political History].
- Otchet, 1911** – Otchet o zasedaniyah pervogo s'ezda uchitelej i uchitel'nic Syrdar'inskoj oblasti. [Report on the meetings of the first Congress of teachers of the Syrdarya region]. Tashkent, 1911. 65 p. [in Russian]
- Severo-Kazahstanskaya, 2004** – Severo-Kazahstanskaya oblast'. Enciklopediya [North Kazakhstan region. Encyclopedia]. Almaty: Arys, 2004. 672 p. [in Russian]
- Smith-Peter, 2017** – *Smith-Peter, S.* (2017). Imagining Russian Regions, Sub national Identity and Civil Society in Nineteenth Century Russia. BRILL, 344 p.
- Sultangalieva, 2012** – *Sultangalieva, G.S.* (2012). Posluzhnye spiski kak istoricheskij istochnik po istorii formirovaniya kazahskogo chinovnichestva XIX v. [Track records as a historical source on the history of the formation of the Kazakh bureaucracy of the XIX century]. *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*. 4(67): 37-43. [in Russian]
- Vakt, 1901** – *Vakt* (1901). [Time] October 9th. [in Tatar]

Из истории социальной трансформации в среде мусульман Северного Казахстана на рубеже XIX–XX веков

Гюльнар К. Муканова ^a, Айнагуль Каипбаева ^b, Зылыяха Ш. Бимаханова ^b, Асель Н. Бекмурзина ^{b, *}

^a Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова КН МВОН РК, Республика Казахстан

^b Северо-Казахстанский университет имени М. Козыбаева, Республика Казахстан

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: assel-2009@list.ru (А.Н. Бекмурзина),

Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова), aina__78@mail.ru (А. Каипбаева),

bimakanova1956@mail.ru (З.Ш. Бимаханова)

Аннотация. Целью исследования выбранной темы был определен специфический синтез русско-европейских и восточно-мусульманских традиций на переломном этапе самоидентификации. В ходе исследования архивных, письменных мемуарных источников и дореволюционной периодической печати выявлены исторические факты разнопланового проявления социально-культурной трансформации рубежа XIX–XX веков на примере казахской уммы северных областей республики. На основе архивных и мемуарных источников впервые в обобщенном виде делается попытка структурировать новации в социальном поведении мусульман (казахов, татар и др.) под влиянием внешних обстоятельств, в частности приобщения к банковскому кредитованию. В статье приведены факты использования казахами хаджа в Мекку для познавательных туров по Европе и Ближнему Востоку. Изучены артефакты (памятники зодчества, архитектуры) города Петропавловска, инициатива возведения которых принадлежала местным зажиточным мусульманам. Обобщены факты меценатства в части организации библиотек и оплаты учебы детей и подростков в аульных школах и училищах, семинариях за пределами края. Проведен сравнительный анализ учебных программ мусульманских школ «старого» и «нового» метода. При работе с источниками были учтены историко-географический фактор, особенности этнической идентификации и региональной урбанистики.

Ключевые слова: Азия, Казахстан, Россия, мусульмане, культура, социум, трансформация, банкиры, история.